

Обычаи и традиции древнетюркского общества . Формула родства

Важнейшим элементом социокультурных ценностей древних тюрков выступают их обычаи и традиции. Проведение свадеб, рождение ребенка, смерть человека, подготовка военных походов, празднование победы над врагом – все это сопровождалось отправлением обычаев и традиций. Яклакар-хан не без гордости говорит о том, что женил трех сыновей, выдал замуж без калыма трех дочерей. «Бай ертім, ағлым он, йылкым сансыз өрті ... кызымын калыңсыз біртім», высечено на камне. Перевод: «Богат я, сараев у меня десять, лошадей несметное количество. Дочерей выдал без калыма». О пышной свадьбе детей элиты сообщается в памятнике в честь Бильге-кагана: «Я отдал кагану тюргешей свою дочь. Ему, равному (достойному), вернул верховную власть. Дочь тюргешского кагана, верховную власть, равную [достойную] кагана, передал своему сыну» [1, 265].

В надписях в честь Бильге-кагана и Кюльтегина подробно описаны похоронные обычаи. По ним можно сделать несколько выводов. Во-первых, от момента кончины известной личности до ее погребения не существовало временного ограничения. Так, Бильге-каган умер 26 числа десятого месяца 734 года, а похоронен был 27 числа пятого месяца 735 года. Во-вторых, траурная церемония проходила с участием большого количества гостей из дальнего и ближнего зарубежья. В-третьих, участники траура одаривали близких и родственников покойного драгоценностями, быстроногими скакунами, иными подарками. В-четвертых, оплакивая покойника, как прибывшие, так и близкие родственники вырывали волосы, наносили раны на свое лицо. В-пятых, в дни траура произносились прощальные речи, в которых перечислялись достоинства и лучшие качества покойника. В-шестых, траур по покойному продолжался целый год. «Кюльтегин улетел (умер) в год Овцы, в семнадцатый день. Двадцать седьмого [числа] девятого месяца мы устроили похороны. Храм, скульптуру, камень с надписью – все мы освятили в год Обезьяны, в седьмой месяц, в двадцатый день. Кюльтегин умер в сорок семь лет» [1, 190].

Древние тюрки считали, что судьбу человека, его жизнь и смерть предопределяет Тенгри. В то же время они не отрицали значения активной жизненной позиции личности, ее созидательно-познавательную деятельность. Хорошее деяние субъекта истории поощряется Тенгри, за плохое деяние он подвергается наказаниям со стороны Тенгри, считали наши предки. Дух вождей и лидеров почитали соразмерно заслугам. На каменных изваяниях высечены имена только тех каганов и исторических личностей, которые внесли достойный вклад в создание и укрепление Вечного эля.

Позитивное понимание человеческого фактора в истории, а также господство кочевого хозяйственно-культурного типа, требующего органического и слаженного коллективизма, объективно формировали механизмы родственных связей и этнической идентичности. Родственниками считались не только близкие по материнской или отцовской линии, но и подчиненные кагану по службе, военачальники, должностные лица. В надписи в честь Кюльтегина перечислены те, к кому обращают свои слова великий полководец: «мою речь слушайте до конца (полностью): следующие за (мною) мои младшие родичи, мои сыновья, союзные мне племена (и) народы, (стоящие) справа беки шадапыт, (стоящие) слева беки тарханы (и) приказные. Народ (и) беки токуз - огузов». В другом месте этого же памятника круг родственников расширяется: «Моя мать - катун, мои сводные матери, мои тетки, мои невестки, мои младшие сестры (княжны)» [1, 190]. К слову заметим, использованный нами отрывок не совсем точно переведен И. Стеблевой, неудачно определяется степень родства. В переводе М. Жолдасбекова эти строки весьма близки к оригиналу: "жеткіншегім, ұланым, біріккен әулетім, халқым, оңымда шад апа бектер, солымда тархан, бұйрық бектер. Тоғыз-оғыз

бектері, халқы", "шешем-қатын, (онан соңғы аналар), жеңгелерім, келіндерім, ханымдар". В числе кровных родственников тогуз-огузы оказались не случайно. Здесь подчеркивается этническая идентичность древнетюркского племени. Генетическая и этническая общность осознавалась ими настолько глубоко, что она выражалась словами «наш тюрк», «мой собственный народ». Хотя между тюрками нередко случались конфликты и столкновения.

Тюргешский каган был из моих тюрков

Из-за непонимания, из-за ошибок был убит.

Беки его, полководцы его тоже убиты [1, 187].

Отношение древних тюрков к народам дальнего и ближнего зарубежья, этнически и генетически не связанных с ними, носило, говоря современным языком, протокольный, часто настороженный характер. Даже табгачей, китаизированных тюрков, не признавали своими, считая их обманщиками, лживыми, соблазнительями. Короче, духовно-культурное освоение действительности нашими далекими предками осуществлялось на принципах «Мы и другие».

Ж. Абжанов